Сона Скофилд

Поцелуй короля, которого я должна убить

Сона Скофилд

Поцелуй короля, которого я должна убить

«Автор»
2026

Скофилд С.

Поцелуй короля, которого я должна убить / С. Скофилд — «Автор», 2026

Каждые сто лет бессмертный король предстает перед хранительницей древнего закона. Одно ее слово может подарить ему новое столетие или навсегда лишить жизни.На этот раз хранительницей стала я.Семнадцать лет назад Эдран Вейр приказал затопить долину, где жила моя семья. Он спас королевство, пожертвовав сотнями невинных людей. С тех пор я мечтала о возмездии.У меня было сорок дней, чтобы раскрыть тайны его правления и вынести приговор. Я ожидала встретить чудовище, но встретила мужчину, способного спорить со мной до рассвета, помнить мертвых и желать женщину, в чьих руках находилась его жизнь.Я не забыла, что он сделал. Не простила ему гибель близких. Но позволила себя поцеловать.И теперь самое страшное заключалось в том, что смертный приговор королю мог разбить и мое сердце.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три имени на полях 5
Глава 2. Чернила на пальцах 13
Глава 3. Низкая вода 19
Глава 4. Долг перед мертвыми 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сона Скофилд
Поцелуй короля, которого я должна убить

Глава 1. Три имени на полях

В Лестен я въехала в день, когда столичные торговцы начали продавать королевское бессмертие по два медяка за штуку.

У городских ворот стоял мальчишка с корзиной оловянных жетонов. На одной стороне был отчеканен профиль Эдрана Вейра, на другой — число сто. Мальчишка совал товар в окна карет и обещал, что человек, купивший жетон до начала разбирательства, проживет долгую жизнь. У возницы, доставившего меня из восточного отделения Дома хранителей, он попросил три монеты вместо двух: лошади, по его словам, тоже нуждались в покровительстве бессмертного.

— А если государя приговорят к смерти, деньги вернешь? — спросил возница.

— Тогда жетоны еще дороже будут стоить, — ответил мальчишка.

Возница расхохотался и купил один.

Между навесами лавок протянули веревки с полотняными флажками, над дверью меняльной конторы висел портрет государя в золоченой раме. Стоял конец лета, однако из-за затяжных дождей торговцы уже подстилали под мешки с зерном деревянные решетки.

— На верхнюю улицу? — осведомился возница, когда мы миновали рынок.

— Сначала к Дому памяти. Подождете меня там.

Дом памяти находился неподалеку от старой речной пристани. Это было невысокое здание с широким крыльцом и медной кровлей, потемневшей от дождей. Вместо дверей при входе висели полосы плотной ткани. За ними открылся двор, где под навесами стояли деревянные рамы для поминальных лент. От сырого полотна пахло пылью и льняным маслом. На некоторых лентах имена были вышиты аккуратными стежками, на других выведены углем или чернилами. Подмастерье в засученных рукавах менял сгнившую перекладину, а старуха держала для него гвозди в переднике.

Я прошла к длинной галерее, отведенной погибшим во время последней войны. На стене висела доска с названиями областей, пострадавших от вторжения. Сейру я нашла ближе к концу списка. Под ее названием стояли две книги в кожаных переплетах.

Заметив меня, служитель принес скамью.

— Какую семью ищете, госпожа?

— Лорн. Деревня у Нижней переправы.

Он открыл первую книгу и стал водить пальцем по строчкам.

— Нижняя переправа... Тут погибли трое королевских саперов и одна женщина из обозной службы. Фамилии Лорн нет. Давайте посмотрим среди переселенцев.

— Они не были переселенцами.

— Тогда, возможно, их внесли в приходскую книгу, а копию сюда не прислали. Такое бывает. Вы давно их ищете?

— Семнадцать лет.

Он перестал листать страницы. Я пожалела, что ответила именно так. Старик не был виноват в том, что ему достались книги, в которых отсутствовала половина деревни.

— Простите. Я сама посмотрю.

В конце второй книги отыскался итоговый перечень потерь. Он занимал одну страницу. Четыре населенных пункта были обозначены как своевременно эвакуированные, при-

чем деревня у Нижней переправы стояла первой. Рядом с названием красовалась маленькая отметка, подтверждавшая сверку с государственным реестром.

Я помнила, что в деревне было не меньше сорока дворов. Отец переплетал приходские книги и иногда брал меня с собой, когда нес их священнослужителю. По дороге мы задерживались у знакомых, покупали пироги у вдовы мельника или заходили посмотреть, как строят лодки. Младшего брата я водила к переправе за руку, потому что ему нравилось бросать щепки в воду и он каждый раз норовил спуститься ниже, чем позволял берег. Если верить книге, в последний день все эти люди благополучно покинули свои дома.

— Можно оставить ленты без записи в реестре? — спросила я.

— Конечно. Только придется повесить их на общей раме, не под названием области.

Я вынула из дорожного мешка три полоски ткани, которые сшила тетя. Мы с ней оставляли такие ленты каждый год у себя дома. Мне хотелось, чтобы хотя бы однажды имена прозвучали там, где велись книги всего королевства.

— Под общей рамой, значит.

Служитель протянул мне моток бечевки. Ленты я привязала рядом, в дальнем углу двора. Ветер трепал их с такой силой, что имя Орика перевернулось на изнанку. Я поправила ткань, хотя прекрасно знала, что стоило мне уйти, и она снова перекрутится.

Когда я вернулась к экипажу, возница успел обзавестись вторым жетоном, предназначенным жене, и принялся расспрашивать меня о предстоящем суде. Я попросила ехать к дворцу. До принятия полномочий я оставалась обыкновенной служащей Ордена, хотя жребий выпал мне уже три недели назад. За эти три недели я успела выслушать предостережения старших коллег, получить пять приглашений от столичных вельмож и отказать человеку, предлагавшему совершенно бескорыстно предоставить мне дом, прислугу и содержание на всю оставшуюся жизнь. Однажды тетя застала меня за чтением древнего закона и просидела рядом почти до рассвета. Мы не обсуждали, каким окажется приговор. Она лишь попросила меня не обещать мертвым того, чего я еще не имела права им обещать.

Я обещала другое: внимательно прочитать каждую бумагу, которую сумею найти.

К полудню экипаж поднялся на холм, где над городом возвышалась Воронья корона. Название дворца объяснялось не зловещими преданиями, как уверяли приезжих городские проводники, а обыкновенными птицами, которые гнездились на его башнях с незапамятных времен. Дворец строили долго, порой пристраивая новое здание к старому без особой заботы об их сходстве. Возле низких крепостных стен из бурого камня высились светлые корпуса с высокими окнами и крытые переходы. На наружном дворе двигались телеги с дровами, люди в кожаных фартуках тащили бочонки к погребам, а два солдата выясняли, кому из них достанется караул под дождем.

У ворот мне пришлось предъявить сразу три документа: удостоверение хранителя, свидетельство о жребии и дорожную грамоту. Последнюю стражник изучал особенно внимательно.

— Госпожа Лорн, — наконец произнес он, вернув бумаги. — Вас ожидает командир Холт.

Возница наконец догадался, кого привез к дворцу, и с такой торжественностью поклонился, что я почувствовала себя виноватой. Вручив ему плату, я забрала дорожный мешок.

У входа в жилой корпус меня встретил высокий мужчина в темном военном мундире. На вид ему было немного за тридцать, виски коротко острижены, у левого уха белел старый шрам. Он представился Кайреном Холтом и прежде всего уточнил, все ли вещи прибыли со мной.

— Один сундук и дорожный мешок.

— Ваши комнаты готовы. Ключи получите у смотрительницы крыла. Двое моих людей будут дежурить у лестницы.

— Они получат указания от меня или от вас?

— В вопросах охраны — от меня. В отношении посетителей и доступа к вашим комнатам — от вас. У меня есть письменные распоряжения его величества.

— Я хотела бы с ними ознакомиться.

— Копия лежит у вас на столе.

Ответ мне понравился. Холт не выказывал особого расположения, однако понимал, чем охрана отличается от надзора. Для начала этого было достаточно.

В крытом переходе Холт сообщил, что канцлер желает приветствовать гостью до ее встречи с государем. Я велела отнести сундук в мои покои и направилась к канцлеру.

Невен Орст принял меня среди шкафов, заставленных папками. На широком столе остывал чай, в камине горел огонь, хотя до холодов оставалось еще несколько недель. Сам хозяин кабинета был одет в добротный серый камзол. Седина у него начиналась от висков, руки выглядели ухоженными, а мягкий голос напоминал голос человека, который всю жизнь улаживал чужие споры и привык получать за это благодарность.

— Госпожа Лорн, прошу вас. Утомительная дорога?

— Вполне терпимая.

— Надеюсь, столичный воздух вам подойдет. В этом году река капризничает, городские управы опять требуют денег на укрепления. Как бы осень не началась раньше срока. Чаю?

Он сам налил мне чаю и рассказал о размещении наблюдателей и посланников областей. Я слушала его с удовольствием, каким можно слушать хорошего музыканта, исполняющего ненавистную мелодию. Канцлер ни разу не употребил слово «суд».

— Надеюсь, эти сорок дней пройдут без ненужного волнения. Подобные церемонии привлекают беспокойные умы.

— В том числе свидетелей?

— Недавно один господин потребовал вызвать государя по делу о продаже земли двухсотлетней давности. Представляете, что будет, если каждый такой человек получит доступ во дворец?

— Если сохранились документы о сделке, государя вызывать незачем.

— Мне понадобятся заверенные копии военных распоряжений за год вторжения, — сказала я. — Начну с речного управления и донесений из Сейры. Затем буду изучать остальное правление.

Орст опустил чайник на подставку. Несколько капель попали на стол, и он вытер их салфеткой.

— Столь давние военные документы могут оказаться сложными для толкования. Не все принятые тогда меры понятны людям, не знакомым с положением на границе. Я готов предоставить вам помощь компетентных советников.

— Спасибо. Если мне понадобится консультация, я приглашу нужного специалиста.

— Конечно. Однако я надеюсь, вы будете учитывать, что отдельные материалы по-прежнему относятся к государственной тайне.

— Древний закон не предусматривает государственной тайны от хранительницы.

Он кивнул, будто я напомнила ему правило, которое оба хорошо знали.

— Я говорю не о ваших полномочиях, госпожа Лорн, а о благоразумии при обращении с полученными сведениями. Иногда цена огласки оказывается выше, чем мы предполагали.

— В таком случае придется устанавливать эту цену для каждого документа отдельно. Вы вправе подавать ходатайства наблюдателям.

Улыбка канцлера стала чуть менее теплой. Он откинулся на спинку кресла.

— Позволю себе быть откровенным. Тарвен существует в нынешних границах благодаря одному человеку. У нас нет опыта передачи королевской власти. Ни наши купцы, ни военные, ни соседи не знают, что случится, если завтра государя не станет. Не сочтите это попыткой

подсказать вам решение. Я лишь хочу, чтобы вы представляли, насколько многое зависит от вашего благоразумия.

Я подумала о старом переплетчике, который по вечерам сушил натянутую кожу возле печи, и о женщине, привыкшей оставлять гореть свет, если кто-нибудь из соседей мог прийти за лекарством ночью. От их благоразумия когда-то зависело совсем немногое, да и права выбора им никто не предоставил.

— Завтра его величество не умрет, — сказала я. — У нас сорок дней. Уверена, у государственного совета достаточно времени, чтобы изучить все возможные исходы.

Канцлер поднялся. Встреча, судя по всему, закончилась несколько раньше, чем он рассчитывал.

— Государь примет вас после третьего удара дворцового колокола. Я распоряжусь, чтобы вам показали дорогу.

Комнаты мне отвели в западном крыле, окна которого выходили во внутренний сад. Спальня была просторнее всей тетиной квартиры при восточном отделении Ордена, зато рабочий кабинет оказался довольно скромным. Там стоял письменный стол, два стула для посетителей, шкаф с исправным замком и маленькая печь. На столе лежали обещанные бумаги об охране. Согласно распоряжениям Холта, стража не имела права входить без приглашения, кроме случаев пожара или непосредственной угрозы жизни.

Я умылась, переоделась в темно-зеленое платье и заново уложила волосы. Пока я не приняла полномочий, мне полагалось носить только обычный служебный знак — небольшую бронзовую печатку на цепочке.

Затем я достала из сундука заверенный список правил предстоящего разбирательства. За последние недели он успел так истрепаться, словно я возила его с собой несколько лет. На полях стояли вопросы, некоторые из которых я намеревалась задать самому Эдрану. В первый день требовалось установить личность сторон, объявить обстоятельства заинтересованности хранительницы и провести открытие печати. После этого начинался отсчет. До заката сорокового дня я должна была произнести окончательное решение в Палате последнего слова.

Я закрыла список, когда за окном ударил колокол.

Молодой дворцовый служитель проводил меня к государю, по дороге убедившись, что я знакома с порядком аудиенций.

Эдран Вейр принимал меня в небольшом зале с окнами на реку. Он стоял возле стола, на котором была разложена карта Тарвена, и слушал пожилого чиновника. Я узнала несколько названий пристаней, прежде чем король отпустил собеседника, велев к утру представить расчет стоимости новых причальных столбов.

Его изображения я видела сотни раз. Чеканщики придавали ему высокий лоб, живописцы украшали густой бородой или оставляли лицо гладким в зависимости от вкусов эпохи. Ни одно изображение не передавало возраста, который я почувствовала в его манере смотреть на вошедшего человека. Он не изучал меня с любопытством. Скорее выжидал, пока я сама определю, какое расстояние собираюсь оставить между нами.

Передо мной стоял мужчина лет тридцати пяти, высокий, широкоплечий, с темными волосами и прямой, почти военной осанкой. Черный камзол сидел безупречно, хотя на нем не было ни золота, ни драгоценных застежек. На руке поблескивал широкий перстень с неровным красным камнем. Из всех изображений короля, виденных мною с детства, ни одно не передавало тяжести его янтарного взгляда. Чиновник, которого Эдран только что отпустил, так и не решился повернуться к нему спиной, пока не дошел до двери.

Я поклонилась так, как требовал порядок обычной аудиенции.

— Госпожа Лорн, — произнес он. — Мне сообщили, что вы прибыли благополучно. Как ваши комнаты?

— Вполне пригодны для работы, ваше величество.

— Это хорошо. Канцлер настоял на замене письменного стола. Прежний, по его мнению, был недостаточно внушительным. Надеюсь, новый хотя бы не качается.

Я не нашлась с ответом на эту неожиданную заботу о мебели. Эдран указал на стул, сам сел напротив и продолжил:

— Вы служили в восточном отделении Ордена. Мне доводилось читать ваше заключение по делу о мельничном сборе.

— Не думала, что оно дошло до вас.

— Дошло вместе с жалобой владельца мельниц. Он уверял, что вы разорили его семью.

— Ему пришлось вернуть крестьянам деньги, которые он взимал сверх установленной платы.

— Да, именно поэтому жалобу я отклонил.

Мне хотелось спросить, сколько подобных бумаг поступало к нему из Сейры и почему ни на одну из известных мне не последовало внятного ответа. Я сдержалась. Вечером при открытии печати разговор следовало начать с определенных законом вопросов, а не с обвинений, которые я обдумывала еще в детстве.

— Вы родом из Нижней переправы? — спросил он.

Я подняла голову.

— Да. В сведениях, представленных Орденом, это указано.

— Я помню эту деревню. Там ремонтировали лодки для речной стражи.

— Там еще переплетали книги.

Эдран чуть помедлил. Я видела, что он понял, куда повернул разговор, и не собирался менять тему из учтивости.

— Ваши родные погибли во время разлива?

— Во время затопления, ваше величество. Разлив случается, когда река выходит из берегов. Шлюзы открыли люди.

— Хорошо. Во время затопления.

Я ожидала возражения, но он взял со стола чашку, обнаружил, что она пуста, и поставил обратно.

— В таком случае вам придется объявить о родстве с погибшими перед наблюдателями. С моей стороны возражений не последует.

— Если бы и последовали, они ничего бы не изменили.

— До открытия печати вы можете отказаться от назначения. Я говорю о том, что не стану добиваться вашего отказа.

— А вы добивались отказа других хранителей?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Нет. Но сто лет назад мне достался судья, который боялся собственной подписи больше, чем моей смерти. Он десять дней пытался выяснить, что произойдет с его семьей в случае неблагоприятного для меня решения. Мне стоило немалого труда убедить его в том, что ничего не произойдет.

— И он продлил действие печати.

— Продлил. Вы сможете прочитать его заключение. Оно занимает шестьдесят три страницы, и, боюсь, первое знакомство с ним доставит вам мало удовольствия. Почтенный старик любил перечислять все свои титулы перед каждым разделом.

Сказано это было без насмешки над умершим. Мне вдруг стало неприятно оттого, как легко Эдран говорил о минувшем столетии. Для него те сорок дней, о которых я читала в учебных книгах, были такими же воспоминаниями, какими для меня оставались прошлогодние дела в Ордене.

— Мне следует подготовиться к открытию палаты, — сказала я.

Он поднялся, не пытаясь задержать меня. Когда я уже направилась к двери, Эдран обратился ко мне снова:

— Госпожа Лорн, я не требую от вас благосклонности. Но если вы пришли сюда с готовым приговором, лучше откажитесь сейчас. Сорок дней бессмысленного разбирательства я переживу. Вашим свидетелям будет гораздо труднее.

Я повернулась.

— Позвольте мне самой определить, сколько смысла в моей работе.

— Разумеется. Для того она вам и поручена.

Мне хотелось ответить ему резче. Однако в его словах было достаточно правды, чтобы я вышла из зала, не сказав больше ничего.

К вечеру дождь прекратился. В нижней части дворца, куда меня проводили после последнего дневного удара колокола, собралось около тридцати человек. Здесь присутствовали старшие хранители, представители государственного суда, посланники областей и несколько придворных, обязанных засвидетельствовать начало разбирательства. Холт стоял у входа, проверяя, чтобы оружие оставляли снаружи. Даже канцлеру пришлось отдать свой церемониальный кинжал.

Палата последнего слова оказалась значительно старше окружающих ее помещений. Стены были сложены из темного камня, который не тронула ни сырость, ни время. В швах между плитами поблескивали тонкие серебристые полосы старинных печатей. Под сводом горели масляные лампы, а в середине зала, на низком основании, лежала широкая черная плита. Внешне она напоминала надгробие, только на ней отсутствовали какие-либо изображения.

Я много лет изучала работу закрепляющих печатей. Мне приходилось проверять защищенные договоры, разбирать споры о подлинности земельных грамот и даже вскрывать опечатанные сундуки в присутствии их владельцев. Но перед этой плитой я впервые почувствовала себя ученицей, которой позволили взглянуть на работу мастера, давно превосходившего возможности всех ныне живущих людей.

По знаку старшей хранительницы я подошла к столу. Писец огласил свидетельство о жребии, после чего я сама назвала обстоятельства, способные повлиять на мое решение: место рождения, год гибели семьи и то, что считала причиной этой гибели приказ Эдрана Вейра. Древний закон допускал участие пострадавших от деяний бессмертного. Наблюдатели выслушали меня, а писец передал мне запись для подписи.

— Принимаете ли вы возложенные на вас полномочия добровольно? — спросила старшая хранительница.

— Принимаю.

— Обязуетесь рассмотреть представленные свидетельства, не скрывать существенных обстоятельств и вынести решение от своего имени?

— Обязуюсь.

Эдран снял перстень и приложил ладонь к камню. Серебристые прожилки, до того едва заметные, одна за другой проступили из черноты. Они сплетались в знаки древнего письма; большую часть я не могла прочесть без словаря, но сразу различила имя Эдрана Вейра в замкнутом круге. Отблески печати легли на его пальцы, и мне почудилось, что под ними светится сам камень.

Я положила руку на противоположный край плиты. Камень был теплым, а в глубине под ним что-то мелко дрожало, точно по мостовым сваям ударяла вода. По окружности вспыхнули сорок коротких черточек. Одновременно с этим Эдран втянул воздух сквозь зубы и вцепился в край плиты. Дрожь прекратилась. Под его именем проступило мое.

Он убрал руку, медленно выпрямил пальцы и вновь надел перстень. Никто из присутствовавших не решился заговорить раньше старшей хранительницы.

— До заката сорокового дня, — произнесла старшая хранительница. — Продление или прекращение. При отсутствии решения действие печати завершится с истечением срока. Полномочия хранительницы передаче не подлежат.

Я знала эти слова наизусть. Теперь они касались человека, стоявшего в нескольких шагах от меня. Его сердце продолжало биться, и с этого часа вопрос о том, будет ли оно биться после сорокового дня, зависел от моего решения.

Отступая от плиты, я заметила, что одна из черточек уже побледнела. За высокими стенами палаты заходило солнце. Писец внес в протокол час открытия, а затем, дождавшись, пока первая черточка исчезнет, отметил завершение первого дня.

Мы подписали документы и разошлись. У лестницы меня остановил Холт и предупредил, что теперь двое его людей будут сопровождать меня за пределами жилого крыла. Для выезда в город достаточно было сообщить ему утром, куда я собираюсь.

На второй день я разбирала поступившие из Ордена бумаги, принимала письма от жителей столицы и составляла расписание слушаний. В одном письме вдова офицера просила меня позволить ей выступить в защиту Эдрана: он позаботился о ее детях после гибели мужа. В другом старый учитель сообщал, что трижды менял место жительства из-за королевского указа о землях. Я откладывала каждое письмо в соответствующую папку и отмечала, какие сведения требовали проверки.

К утру третьего дня получила ответ из военного ведомства. Там были готовы предоставить сводные отчеты о последней войне. На запрос о первоначальных распоряжениях и донесениях из Сейры мне предложили представить дополнительное разрешение государя.

Я взяла ответ и отправилась к Эдрану.

Он выслушал мою просьбу в том же зале с картой на столе, прочел письмо из ведомства и подозвал служителя за письменными принадлежностями.

— Вам требуется разрешение на все документы того года или только на речное управление?

— На все, включая закрытые материалы.

— Придется указать, что изъятие подлинников производится по описи. В прошлый раз после суда не досчитались двух грамот.

— Согласна.

Пока он писал, я смотрела на его руку. Довольно крупная, с заметными мозолями у основания пальцев. Такую руку можно было представить на эфесе меча, на поводьях лошади, на печати с государственным гербом. Семнадцать лет назад она подписала распоряжение, отнявшее у меня семью.

— У меня есть вопрос, ваше величество.

Он отложил перо.

— Слушаю.

— Приказ открыть шлюзы в Сейре отдали вы лично?

— Да.

— Когда принимали решение, вам было известно, что жители долины могут оставаться в своих домах?

— Было. Точное число мне не сообщили. Я знал, что эвакуация могла быть не завершена.

Я не сразу смогла продолжить разговор. Все эти годы мне приходилось бороться за право получить ответ, который теперь прозвучал в трех коротких фразах. Я ожидала услышать его на слушаниях, после представления документов, при свидетелях. Хотела заранее придумать следующий вопрос, чтобы не показать, насколько дорого мне обойдутся эти несколько слов.

— И все-таки вы не отложили открытие шлюзов?

— Нет. В тот момент я считал, что задержка позволит противнику занять переправы. Приказ был моим. На слушаниях я повторю это при свидетелях.

Он произнес сказанное твердо. Я не услышала в его голосе ни удовольствия от собственной жестокости, ни раскаяния, которого так ждала. Эдран придвинул к себе лист, дописал разрешение, поставил подпись и оттиснул перстнем печать на воске.

— Вы можете обратиться ко мне непосредственно, если кто-нибудь еще решит, что моим разрешением следует заручаться дважды.

Я забрала документ и вернулась в западное крыло. До обеда оставалось достаточно времени, чтобы отнести разрешение в военное ведомство, но сначала мне захотелось побыть одной. В кабинете я отперла шкаф, достала чистую рабочую книгу и открыла ее на первой странице.

Отец учил меня, что у хорошо сделанной книги широкие поля. Читателю может понадобиться оставить собственные замечания, говорил он, а переплетчик не вправе заранее решать, сколько места ему для этого хватит.

Я провела пальцем по чистому листу. Затем обмакнула перо в чернила и вывела на полях три имени: Нора, Гален и Орик. Ни одного из них не было в столичных книгах памяти. Я собиралась начать с того, чтобы вернуть им место хотя бы в этой книге.

Глава 2. Чернила на пальцах

На четвертый день разбирательства я испортила платье, которое собиралась надеть на первые слушания. В военном ведомстве на меня опрокинули чернильницу. Сделал это мальчик лет пятнадцати, принесший из соседнего кабинета письменные принадлежности, а пострадало не только мое платье, но и разрешение, подписанное Эдраном. К счастью, чернила не добрались до королевской печати. Я промокнула лист платком и положила перед начальником отделения.

— Прочесть можно. Приступим?

Господин Брет с таким вниманием рассматривал растекшееся по столу пятно, что я заподозрила в нем гораздо больший интерес к судьбе казенного имущества, чем к документу, ради которого мы здесь собрались.

— Мальчишка, ступай за тряпкой. Госпожа Лорн, приношу извинения. Я должен буду удостоверить копию разрешения у секретаря ведомства.

— Секретарь прочтет то же самое, что сейчас прочитали вы.

— Порядок требует его подписи. Особенно в отношении закрытых дел.

Я приехала сюда сразу после завтрака и уже познакомилась с четырьмя служащими, каждый из которых отправлял меня к следующему.

— Где находятся подлинники?

— Большую часть материалов семнадцатилетней давности передали в королевский архив. Здесь остались экземпляры, необходимые для текущей службы.

— Составьте опись того, что хранится у вас. Остальное я получу в архиве. Если секретарю потребуется еще одна подпись государя, пусть он сам за ней идет.

Через полчаса я вышла из ведомства с заверенным перечнем бумаг и обещанием, что к вечеру их доставят в западное крыло. Пятно на платье подсыхало. Предстояло решить, вернуться ли переодеваться или явиться в королевский архив в таком виде. Я выбрала второе.

Вход в архив находился под старым дворцовым корпусом, за кухнями и хлебными кладовыми. Снаружи его легко было принять за спуск в погреб: на низкой двери висела обыкновенная железная скоба, а по соседству громоздились пустые бочки. Только вместо запаха вина из глубины лестницы тянуло сухим, теплым воздухом. У основания ступеней виднелись медные полосы, вмурованные в стену. По ним проходила слабая рябь света, когда наверху отворяли дверь.

В первой комнате молодой архивист, прочитав мое удостоверение, предложил снять мокрый плащ. Пока я расстегивала пряжку, из бокового прохода вышла женщина в сером платье с высоким воротом. На переносице у нее сидели очки, а на поясе висели ножницы, ключи и узкая костяная линейка.

— Не вешайте плащ возле печи, — распорядилась она. — Он высохнет, а под ним распухнет дерево. И не ставьте чернильницу на край стола, Левик. В прошлый раз вы испортили список расходов за сорок лет.

Архивист поспешно переставил чернильницу. Женщина оглядела меня и задержала взгляд на пятне.

— Из военного ведомства?

— Это так заметно?

— Они покупают отвратительные чернила. Видите, как рыжеет по краю? Оставьте платье замоченным в холодной воде, когда вернетесь. Я Мара Дейн, смотрительница. Мне сказали, что вы придете завтра.

— Я закончила в ведомстве раньше, чем ожидала.

— Довольно необычно. Пойдемте, покажу, чем можете пользоваться.

Архив занимал несколько подземных этажей. Мара объяснила, что печати в стенах сохраняли плотность раствора и препятствовали проникновению влаги через каменные швы. По огонькам контрольных ламп мастера проверяли движение воздуха. Магия не избавляла их от необходимости обслуживать сооружение.

— Если захотите работать с делом, имеющим закрытый знак, мне придется вскрыть его при вас, — продолжила Мара. — Вы можете получить подлинник в свою комнату под расписку, но я предпочла бы, чтобы вы работали здесь. При всем уважении к дворцовой прислуге она не знает, как обращаться с бумагами.

— Однажды видела договор, который хранили свернутым внутри кувшина из-под масла.

— В восточном отделении?

— В мельничном поселке возле границы.

— Тогда мне уже нравится ваше отделение. У нас до такого пока не дошло.

Она провела меня в комнату со шкафами и длинным столом, на котором лежали деревянные подставки и свинцовые грузики в полотняных чехлах. По трубе над потолком время от времени пробегала вода. После первого такого звука я невольно посмотрела вверх.

— Водосток снаружи стены, — объяснила Мара. — Можете не опасаться за бумаги.

Я кивнула. Опасалась я не за бумаги, но объяснять это незнакомой женщине не хотелось.

Мы начали с трех заключений предыдущих хранителей. Первый признал, что Эдран допустил несправедливость при объединении Тарвена, но испугался новой междоусобицы. Вторая, Асса Левен, добилась освобождения людей, годами сидевших в крепостях без предъявленного обвинения. Она напоминала в заключении, что король, располагающий временем в изобилии, не приобретает тем самым права отнимать чужое.

— Государь исполнил ее распоряжения? — спросила я.

— Часть при ней, остальные в течение года. Отчеты сохранились.

Третье заключение действительно занимало шестьдесят три страницы. Его автора заботило главным образом благополучие страны: пока Эдран соблюдал основные законы и успешно управлял Тарвеном, хранитель считал его бессмертие оправданным. Книга была увесистой, в отличие от двух других, и пахла залежавшейся кожей. Я закрыла ее с неожиданным облегчением. Трое моих предшественников отвечали на разные вопросы, хотя произносили приговор над одним камнем.

В описях Сейры обнаружилась первая странность: из двадцати семи дел речного управления в окончательный перечень попали только двадцать четыре. Два вернули владельцу, третье переместили в военный раздел. Мара записала новый номер, а я тем временем сверила сведения о жителях Нижней переправы.

Двести четырнадцать человек до войны, сто семьдесят девять в списке эвакуированных. В итоговом отчете при этом значилось, что деревню вывезли полностью.

Тридцать пять. Я проверила разность еще раз. Отец, мать, Орик — теперь мне хотя бы было известно, среди каких чисел их искать. В соседней деревне одна и та же семья значилась в двух обозах. Мара предостерегла меня от поспешных выводов: пока мы не найдем первоначальные списки, истинных потерь нам не установить.

Когда лампы начали коптить, Мара достала из ящика стола сверток с хлебом и сыром и спросила, не собираюсь ли я обедать. Мы устроились в маленькой комнате, где архивисты хранили еду. Левик принес из кухни горячую похлебку.

— Давно вы здесь служите? — спросила я.

— Двадцать семь лет. Начинала с учета земельных грамот. Тогда полагала, что хуже путаницы в них ничего не бывает. Потом мне доверили военные бумаги.

— Вы работали здесь, когда затопили Сейру?

Мара отломила кусок хлеба.

— Да. Принимала часть дел по окончании войны. Их привозили в сундуках, порой вместе с мокрыми сапогами и прочим добром, которое собирали при освобождении временных канцелярий.

— Помните что-нибудь о документах речного управления?

— Помню, что часть их велено было отнести к закрытым материалам. В то время мы обязаны были выполнять такие распоряжения. Не полагайтесь на мою память там, где можно получить письменное подтверждение.

Я отметила, что Мара принимала дела вскоре после войны. Под вечер канцлер предложил выделить мне двух чиновников для работы с военными материалами. В архив одновременно пришло указание не выдавать некоторые дела без согласования с его ведомством.

— Пусть сам объясняет государю, зачем нам второе разрешение, — отрезала Мара.

От помощи я отказалась, а распоряжение Орста передала наблюдателям.

На пятый день я отправилась к Верте, старшей хранительнице, почти сорок лет прослужившей в Ордене. Меня интересовало, что случится с Тарвеном, если я приговорю короля к смерти.

— Канцлер полагает, что мы не имеем опыта передачи власти.

— Опыта нет. Закон есть.

Она раскрыла книгу. По уставу после смерти монарха управление переходило к совету, которому отводилось сто двадцать дней для избрания преемника из числа законных потомков основателя. Оказалось, что и сам король вправе отречься: требовалось добровольное заявление перед советом и принятие им полномочий. Возврата на престол закон не допускал.

— Даже если государь бессмертен?

— Печать и корона существуют отдельно, Ирена.

Пока Эдран оставался монархом, государственный суд мог признать его распоряжение незаконным, но не мог судить самого короля как обвиняемого. После отречения иммунитет прекращался; действовали общие законы, с учетом давности и установлений военного времени. Я попросила копии правил об эвакуации: мой собственный приговор не заменял других судебных решений.

— Не пытайтесь за сорок дней исправить все, с чем за столетие не справились остальные суды, — предупредила Верта.

На обратном пути я остановилась у лавки купить бумагу. Возле прилавка спорили владелец пекарни и поставщик зерна. Первый утверждал, что из-за слухов о возможной смерти короля купцы начали требовать оплату вперед.

— Будто им от его смерти мешки не везти! Вчера одна цена, сегодня другая.

— А ты попробуй привези зерно, когда у причала половина настила сгнила, — ответил поставщик. — Пока подводы разгрузишь, уже вечер. Мне рабочим за лишний день платить надо.

Я подумала о словах Орста насчет укреплений. Обычные хозяйственные затруднения уже сказывались на жителях столицы. Следовало запросить сведения о государственных расходах и нынешнем состоянии реки. Как бы ни хотелось мне посвятить оставшиеся дни исключительно Сейре, на рассмотрении находилось все правление Эдрана.

Во дворце меня ждали бумаги военного ведомства. Из двенадцати дел прислали восемь. Я уже приготовилась писать новое требование, когда за мной пришел посыльный: Эдран приглашал меня обсудить вопросы ведомства.

На этот раз аудиенция состоялась в комнате с широким камином и полками с книгами. Король подписывал распоряжения в присутствии двух секретарей. Я дождалась, пока они уйдут, и положила перед ним перечень недоставленных дел.

— Ваше величество, мне начинает казаться, что вы дали разрешение, которого никто не намерен исполнять до конца.

Эдран прочел перечень и позвонил в колокольчик. Одного из секретарей вернули. Король поручил выяснить, зачем в текущих отчетах понадобились документы семнадцатилетней давности, и обеспечить их передачу мне к вечеру.

— Я не намерен ежедневно объяснять служащим содержание одного и того же распоряжения, — добавил он. — В следующий раз объясняться придется начальнику ведомства.

Секретарь ушел. Эдран убрал остальные бумаги. Я показала ему выписки по Нижней переправе. Король не оспаривал расхождение, но напомнил, что часть жителей могла попасть в списки других областных управ.

— Объясните мне другое. Почему вообще было необходимо затопить всю низину? Я читала описание войны, но мне хотелось бы услышать вашу версию.

Эдран поднялся и подошел к шкафу у противоположной стены. Из одного отделения он достал свернутую карту. Разложив ее на освобожденной части стола, прижал угол тяжелой подставкой для перьев.

— Карта старше тех событий, — сказал он. — На ней еще обозначены дороги, которых теперь нет. Неприятель наступал с запада. Наши войска отступили к речным укреплениям. До столицы оставалось несколько переходов. На этом участке у нас была возможность воспользоваться шлюзами.

Я наклонилась над картой. Название Сейры обнаружилось возле изгиба реки. Деревня у Нижней переправы была обозначена маленьким черным кружком, не больше тех, которыми отмечали мельницы и постоялые дворы.

— А здесь? — Я показала дальше по дороге, в сторону столицы. — Земля поднимается. Вы могли отступить туда.

— Могли. Но нам пришлось бы оставить большую территорию неприятелю и принять сражение на неподготовленных позициях. На той стороне не было достаточных запасов для наших войск. К тому же мы не знали, насколько быстро сможем получить подкрепление.

— Однако такой вариант существовал.

— Конечно. Я не отдавал приказ под действием заклятия или с приставленным к горлу ножом. Мне предлагали несколько решений. Я выбрал то, которое считал наиболее надежным.

— Для кого?

Он посмотрел на меня поверх карты.

— Для королевства.

— Моя деревня тоже находилась в королевстве, если вы помните.

— Помню. И если бы неприятель прошел дальше, пострадали бы другие деревни. Возможно, значительно больше. Тогда вы сейчас сидели бы передо мной с вопросом, почему я не остановил вторжение, когда располагал такой возможностью.

Я выпрямилась. Мне захотелось ударить его по лицу. Этот мужчина спокойно показывал на карте дом моей семьи и рассуждал о людях, способных погибнуть на другом месте.

— Не решайте за меня, что я спрашивала бы у вас в другой жизни, — сказала я. — В этой вы не дали мне такой возможности. И не только мне.

Эдран выдержал паузу. Затем свернул карту, стараясь не задеть лежавшую рядом чернильницу.

— Хорошо. Будем говорить о том, что произошло. Однако я отказываюсь притворяться, будто у меня было безопасное решение и я по какой-то причине выбрал опасное. Мне пришлось учитывать судьбу людей, живших за пределами долины. Вы можете считать мой выбор преступлением. Только не упрощайте обстоятельства, при которых он был сделан.

— Именно поэтому я и собираю документы. Вы утверждаете, что не знали точного числа оставшихся жителей. Я хочу выяснить, что именно вам было известно и сколько времени имелось в вашем распоряжении.

— Справедливое требование.

Эдран говорил со мной резко, но не пытался прекратить спор. Я предпочла бы, чтобы он оказался человеком, неспособным обосновать ни одного из своих поступков. У такого человека было бы гораздо проще отнять жизнь.

— Я изучила заключения предыдущих хранителей, — сказала я. — Вы когда-нибудь спорили с их выводами?

— Разумеется. Асса Левен, например, требовала освободить всех заключенных в нескольких северных крепостях. Я настаивал, чтобы сначала установили, кого держали там незаконно. Мы едва разговаривали последние десять дней.

— Она добилась освобождения тех, кого держали без суда.

— Да. А я сменил коменданта. Через два года Асса поссорилась и с его преемником.

Я невольно представила, как она возвращалась к своим делам после окончания суда, как старела, а человек, с которым она спорила, по-прежнему занимал место за королевским столом.

— Согласно уставу, вы могли бы отказаться от престола, если бы больше не желали им управлять.

Эдран повернул голову.

— Изучаете порядок наследования?

— Канцлер уверяет, что государству будет трудно пережить смену власти. Я выясняю, какие механизмы для этого существуют.

— Устав писали для государства, в котором было семь враждующих домов и ни одной постоянной государственной службы. Теперь потомков моего рода гораздо больше. Представляете, сколько претендентов появится, если совет объявит выборы нового государя?

— Это довод в пользу подготовки, а не в пользу ее отсутствия.

— Здесь я с вами согласен. Я поручал совету изучить этот вопрос.

— Возможно, стоит спросить о результатах. Пока от канцлера я слышу только рассуждения о том, насколько королевство от вас зависит.

Эдран потер пальцами переносицу.

— Госпожа Лорн, вы способны довести человека до того, что он начнет с удовольствием читать доклады о починке мостовых.

— Это не самое худшее, что я способна сделать с вами, ваше величество.

Он опустил руку. Мне самой стало неприятно от сказанного. Угроза, пусть и не намеренная, прозвучала слишком легко.

— Простите. Я не должна была так говорить.

— Не должны были, — согласился он. — Но надеюсь, вы извиняетесь за угрозу, а не за то, что рассматриваете прекращение действия печати как возможный исход.

— За угрозу.

— Тогда на этом закончим.

Вернувшись к себе, я записала услышанное и подчеркнула сведения о повозках, сроках эвакуации и возможном отступлении. До сих пор я задавала вопросы человеку, которого знала по монетам и приказам. В кабинете, у раскрытой карты, мне впервые пришлось спорить с ним на равных, и от этого было только тяжелее.

Позднее я достала письмо тети, полученное еще до отъезда. В нем она подробно рассказывала о том, что произошло с крышей после последнего дождя, просила не забывать есть и сообщала, что сосед наконец перестал держать козу у общей стены. Я прочла письмо дважды. Из всех людей, знавших, зачем я приехала в столицу, она одна ни разу не спросила, собираюсь ли я убить короля.

На шестой день Левик нашел недостающее дело в описи военного отдела. Мара вскрыла печать старого деревянного короба при втором архивисте. Внутри лежали расчеты и донесения о состоянии укреплений. Из комплекта еще до подшивки изъяли несколько листов.

В одном донесении сообщалось о нехватке людей для ремонта верхнего шлюза, в другом начальница укреплений требовала дополнительных повозок. Под обоими стояла размашистая подпись: Сильва Арн.

— Она жива?

— Насколько знаю, да. После войны ее перевели в управление речных сооружений. Где служит теперь, придется выяснить.

В письмах Сильвы говорилось о деревнях, об обозах, о поврежденной дороге возле одной из переправ. Все они были датированы несколькими днями до катастрофы. Последний лист содержал перечень сообщений, полученных и отправленных речным управлением в день открытия шлюзов.

Между обычными сведениями о состоянии укреплений стояла запись под номером сорок восемь: срочное донесение начальницы укреплений о ходе вывода жителей из низины. В графе получателя значилась королевская военная канцелярия.

— Мара, где само донесение?

Она проверила остальные листы, затем открыла общий журнал и еще один, хранившийся в соседнем шкафу. Обычное раздражение, с которым она встречала ошибки архивистов, сменилось тревогой.

— Подождите. Здесь есть входящий номер военной канцелярии. Для того чтобы его поставить, служащий должен был получить донесение. Оно поступило туда, куда было направлено. Но в деле его нет.

— Можно установить, кто его забрал?

— Если его изъяли после передачи в архив, можно. Если до передачи, придется искать в другом месте. У речного управления должен был остаться собственный журнал исходящих сообщений. Иногда в него переписывали срочные донесения целиком.

Я еще раз посмотрела на фамилию Сильвы Арн. В день катастрофы эта женщина распоряжалась людьми, обслуживавшими шлюзы. Она могла знать, сколько обозов прошло по дорогам и успели ли жители добраться до возвышенностей.

— Мне нужно вызвать ее на слушания.

— Начните с речного управления. А я проверю остальные военные описи. Не исключено, что донесение подшили к другому делу.

Мара продиктовала мне номер. Я переписала его, затем внесла сведения о документе в рабочую книгу. На кончике указательного пальца темнело пятно: я коснулась еще влажной записи и не заметила этого. Вытирая руку платком, я вспомнила, как Орик когда-то помогал отцу за столом и ухитрился оставить черные отпечатки ладоней на свежей обложке приходской книги. Отец тогда долго ворчал, после чего выкроил новую кожу и позволил брату еще раз попробовать работать с переплетным инструментом.

Я посидела, пока чернила на странице не высохли. Затем попросила Мару заверить выписку. Мне предстояло найти не только свидетельницу того дня, но и слова, написанные ею до того, как вода дошла до нашего дома.

Глава 3. Низкая вода

На седьмой день перед дверями судебного зала с самого утра выстроилась очередь. В ней стояли двое офицеров с орденскими лентами на груди, седой священнослужитель, торговец с перевязанным подбородком и несколько ремесленников. Кайрен Холт велел поставить у стены скамьи. Одну из них заняла старушка, приехавшая из северных владений с письмом от сына. Она отказывалась отдавать его писцам и хотела вручить лично мне. Пришлось объяснить ей, что пересмотром приговора за кражу лошади занимается государственный суд, а не хранительница.

— Тогда вы хоть скажите ему, что дороги у нас стали хуже, — попросила она напоследок. — Раньше-то он сам приезжал и смотрел. Я еще девочкой была, видела его.

Холт придержал перед ней тяжелую дверь. Я попросила писца помочь старушке составить отдельное обращение о дорогах и направилась в зал.

Первый день публичных слушаний устроили в бывшем зале для приема областных посольств. На стенах висели выцветшие знамена, привезенные в столицу во времена объединения Тарвена. Высокие окна выходили на внутренний двор, где подмастерья чинили водосток. Временами звон молотков заглушал голоса. Для меня и наблюдателей поставили длинный стол, для свидетелей — кресло и низкую подставку, на которую можно было положить бумаги. Эдран занял место сбоку, у окна. Корона осталась в его покоях, но остальные присутствующие еще некоторое время смотрели в его сторону, словно ждали разрешения сесть.

Я объявила порядок слушаний. Каждый свидетель должен был сообщить, откуда ему известны изложенные обстоятельства. После моих вопросов государю предоставлялось право высказаться. Верта, сидевшая по правую руку от меня, проследила, чтобы двери оставили открытыми, и подала знак писцу.

Первым вызвали отставного полковника. Его звали Дерек Сант. Он служил на западной границе еще до последней войны и после ранения руководил распределением военных пенсий. На слушания он принес ведомости за двадцать лет, заботливо завернутые в сукно.

— Когда я поступил на службу, — начал он, — человек, потерявший руку, получал от казны две серебряные монеты и увольнение. Нынче ему положено пожизненное содержание. Если он способен работать, его могут принять в мастерские при ведомстве. Мой старший сын пошел туда после ранения. Делает колесные ступицы, живет своим трудом, содержит троих детей.

Полковник предъявил указ о содержании раненых, изданный за восемь лет до войны, и результаты проверок выплат. Он иногда забывал названия мест, зато помнил фамилии солдат и сумму пособия, назначенного каждому из тех, чьи дела рассматривал лично. Я попросила представить еще несколько дел, в том числе тех, по которым были получены жалобы. Полковник согласился, а перед уходом повернулся к слушателям.

— Прошу помнить, что государь спас немало наших ребят. Иначе сегодня половина этих семей побиралась бы у храмовых дверей.

Кто-то одобрительно зашумел. Эдран остановил шум движением руки.

Следующей выступала та самая вдова офицера, чье письмо я получила на второй день. Женщина держалась скованно и сначала так тихо произнесла свое имя, что писцу пришлось переспросить. Ее звали Рея. Муж погиб во время последней войны, оставив двоих детей и долги за дом. После его смерти кредитор попытался получить имущество, невзирая на положенное детям содержание. Рея обратилась с прошением в столицу. По распоряжению короля дело пересмотрели, дом остался за семьей.

— Моя дочь теперь учится на лекаря, — сказала она. — Если бы нам тогда не помогли, я отдала бы ее в услужение. Может, обоих детей пришлось бы отдать. Я не знаю, как устроено

это разбирательство, госпожа хранительница. Мне сказали, что здесь следует говорить о государевых поступках. Вот я и приехала.

Она передала мне копию решения суда и замолчала, теребя на коленях перчатки. Я уточнила, в каком ведомстве рассматривали просьбу, и записала фамилии служащих. Когда Рея поклонилась королю, мне невольно пришло в голову, что моя мать, будь у нее возможность приехать сюда, тоже рассказывала бы о своих детях, о долгах или о каком-нибудь недавнем событии, которого я уже не могла вообразить. Я объявила короткий перерыв.

К полудню мы выслушали еще четверых. Представитель торговых домов принес сведения о пошлинах и строительстве дорог. За три поколения его семье удалось открыть склады в пяти областях благодаря отмене внутренних сборов. А следующий свидетель, чиновник дорожного ведомства Эммер, сообщил, что работы на двух северных дорогах приостановлены за недостатком средств.

— Господин Эммер, — обратился к нему Эдран, получив право задать вопрос, — почему в докладе, представленном совету весной, значилось, что работы идут по плану?

Чиновник побледнел. Он путался, перескакивал с одного участка на другой. Король дослушал его до конца.

— Представьте хранительнице то, что вы докладывали мне, и сведения о выполненных работах. Одновременно. Не надо переписывать весенний доклад.

Я ожидала, что к концу дня Эдран устанет присутствовать на слушаниях и отправит вместо себя одного из советников. Однако он оставался на своем месте, делал записи и время от времени просил уточнить какую-нибудь дату. Ему была известна большая часть распоряжений, на которые ссылались свидетели. О событиях столетней давности он говорил с той же легкостью, с какой я могла бы рассказать о службе в восточном отделении. Когда свидетель ошибался в имени чиновника, король обычно исправлял его, причем справки, доставленные из канцелярии, подтверждали поправку.

На исходе дня в зал впустили старого учителя, писавшего мне о земельном указе. Его звали Берн. Он работал в приходских школах, пока в очередной деревне не закрыли школу за недостатком учеников. Из объяснений старика следовало, что несколькими годами ранее местные землевладельцы изменили границы арендованных участков. Семь семей лишились возможности обрабатывать прежние наделы и переселились к родственникам. После их отъезда школа пришла в запустение.

— В каких владениях это произошло?

— В бывших западных землях. Возле Сейры.

Берн назвал три селения. Два я знала: они находились выше Нижней переправы и не были затоплены. Третье возникло после войны на месте старых выпасов.

— Прежде тут селились те, кого вывели из низины. Им обещали землю, когда закончатся военные действия. Потом стали брать плату за пользование. А несколько лет назад людям сказали, что у земли другие хозяева. Кто уехал, кто остался работать за пищу.

Он достал договор аренды, составленный от имени человека, которому после войны пожаловали землю. Берн не знал, на каких условиях переселенцам позволили поселиться там изначально. Я решила запросить историю владения этими участками и попросила назвать семьи, с которыми он еще поддерживал связь.

— Мне известно несколько человек, — ответил он. — Есть плотник, Тома Ренн. Он собирает просьбы от переселенцев. Хотел приехать в столицу, да работы у него нынче много. Напишите ему, он никого не боится. Только вот в управе его уже слушать не хотят.

Я внесла имя Томы в перечень свидетелей и уточнила, как добраться до его поселения. Когда слушания закончились, отправила два вызова: один — Сильве Арн через речное управление, второй — Томе Ренну. Из речного управления еще утром сообщили, что Сильва служит

на западных укреплениях и прибудет в Лестен после передачи смены. В письме ей я указала номера найденных донесений и попросила привезти имеющиеся у нее материалы.

Верта задержалась, чтобы удостоверить записи. Возле показаний полковника и Реи стояла одна и та же пометка: свидетель предъявил подтверждающие документы.

— До приезда сюда я представляла, что меня будут убеждать красивыми речами, — сказала я. — С ними справиться было бы легче.

— Хорошо, что эти люди пришли сами. Вы ведь не хотите, чтобы через двадцать лет кто-нибудь из них открыл протокол и обнаружил, что его показания исчезли?

Я покачала головой. Верта перевернула страницу и попросила исправить описку в названии крепости.

На восьмой день Мара разложила передо мной две земельные карты. Зеленые участки, когда-то принадлежавшие казне, теперь оказались во владении дворянских домов. Среди получателей нашелся и дом Орстов: грамоту за обеспечение военных поставок получил старший брат канцлера, служившего тогда в военном ведомстве. Подписал пожалование Эдран.

— С сохранением ранее установленных прав пользования, — прочла Мара. — Только если людей поселили временно, новый хозяин мог выставить их за ворота, как только истечет срок.

Мне случалось бывать в таких хозяйствах. Самые предусмотрительные хозяева не сажали плодовых деревьев возле домов: не знали, удастся ли собрать первый урожай. Предстояло выяснить, что обещали переселенцам до выдачи грамот.

У двери моих покоев дожидался служащий дворцовой канцелярии с приглашением на вечерний прием для посланников областей. Многие из них собирались вскоре покинуть столицу. Мне не нравилась перспектива провести вечер в обществе людей, чьи земельные книги лежали у меня на столе. Однако на слушаниях они могли заранее подготовить ответы, а за ужином порой приходилось импровизировать.

Подходящее для приема платье все еще носило следы чернил, несмотря на советы Мары. Смотрительница крыла принесла моток черной тесьмы, и за час мы превратили пятно в часть довольно строгой отделки. От тети у меня осталась тонкая серебряная застежка для волос. Других украшений я надевать не стала.

Вечером в переходах пахло жареным мясом, по лестницам бегали служанки. В парадной галерее горели лампы в медных чашах. Я взяла у проходившего слуги чашку пряного отвара.

Невен Орст встретил меня у входа.

— Рад, что вы нашли время. Боюсь, кое-кто из наших гостей собирается уехать завтра. Им было бы досадно вернуться домой, так и не увидев хранительницу.

Он познакомил меня с двумя областными посланниками. Госпожа Леда Вейр пожелала узнать, каким образом дочери переплетчика удалось поступить в Дом хранителей. Выслушав рассказ о вступительных испытаниях, она быстро потеряла интерес к моему происхождению.

В зале было много потомков Эдрана. Один господин, лет на двадцать старше короля с виду, приходился ему потомком в седьмом или восьмом поколении. Другой был еще ребенком: я видела, как Эдран подозвал мальчика, поправил сбившуюся застежку на его воротнике и спросил, давно ли тот начал ездить верхом. Мать наблюдала за ними с волнением.

Сколько же из присутствующих считали себя вправе занять его место?

Канцлер вскоре подвел ко мне господина Тареса, владельца западных имений. Фамилия Тареса стояла в земельной книге возле одного из пожалованных после войны участков. Он пожелал знать, собираюсь ли я заниматься частными земельными спорами. Я объяснила, что меня интересуют обстоятельства выдачи грамот.

— Я получил заросший пустырь, — возразил Тарес. — Потратил немало средств, чтобы сделать его пригодным для хозяйства.

— Переселенцы появились на этой земле до выдачи вашей грамоты или после?

— У меня нет при себе бумаг.

— Понимаю. Я попрошу вас предоставить их на слушаниях.

Тарес сухо поклонился. Канцлер проводил его взглядом и заметил, что надеялся познакомить меня с гостями в более благоприятных обстоятельствах.

У выхода меня перехватил родственник Леды. От него пахло крепким вином. Он рассказал, как однажды, еще до войны, посетил деревню в Сейре. Поездка запомнилась ему отвратительной постелью в доме местного старосты.

— Могу представить, госпожа, какие условия были у вашего почтенного отца, — закончил он. — Надеюсь, здесь вам хотя бы предоставили хорошую кровать.

— Отец сам смастерил мне кровать. Она была весьма удобной.

— Вне всякого сомнения. У людей его положения обычно есть полезные навыки. Скажите, а Орден, определяя вас на нынешнюю службу, не учел, что у некоторых семей могут возникнуть сомнения в ваших намерениях? Все же затопленная деревня... Как я понимаю, для вас это личное дело.

Несколько стоявших рядом гостей притихли. Я поставила чашку на поднос проходившего слуги.

— Мои обстоятельства занесены в протокол первого дня. Он доступен представителям областей. Можете ознакомиться.

— Знаете, жена моего управляющего тоже считает, что однажды сумеет добиться справедливости. Бедняжка никак не может простить соседям одну давнюю ссору. По-моему, подобные истории не стоит выносить на суд всего королевства.

— Вы желаете сообщить мне сведения, относящиеся к правлению Эдрана Вейра?

— Да я всего лишь беседую с вами.

— Тогда простите, я устала от бесед.

Он засмеялся и, повернувшись к своим знакомым, произнес достаточно громко:

— Нам следует быть осторожнее. У госпожи хранительницы, как выясняется, весьма тонкий слух.

— У меня тоже, Редан, — раздалось у него за спиной.

Господин поспешно обернулся. Эдран подошел к нашей группе вместе с одним из областных посланников. На нем был черный камзол без вышивки, только воротник украшала узкая золотая полоса. Он посмотрел на родственника.

— Если вы собирались обратиться к хранительнице с жалобой на порядок разбирательства, завтра получите возможность сделать это в присутствии наблюдателей. Здесь прошу вас соблюдать обычные правила приличия.

— Ваше величество, я ничего подобного не имел в виду.

— Тем лучше. Господин Эстен, продолжайте, пожалуйста. Вы говорили о мосте в верховьях реки.

Король остался разговаривать с посланником, а Редан вскоре скрылся среди гостей. Я отошла к окну. Чужое мнение о моем происхождении меня мало трогало. Гораздо хуже было услышать, как гибель родителей приравняли к ссоре двух соседок.

Эдран отыскал меня спустя четверть часа.

— Вы все-таки пришли на прием. Я думал, вы предпочтете провести вечер с земельными книгами.

— Я выяснила здесь несколько обстоятельств, которые книги пока не объяснили.

— Надеюсь, одно из них заключается в том, что Редану не следует пить в присутствии людей, к которым он питает неприязнь.

— Боюсь, в таком случае вашему родственнику придется пить одному.

Эдран рассмеялся. Я невольно посмотрела на него: еще утром в зале ему достаточно было приподнять голову, чтобы чиновник перестал путаться в объяснениях, а сейчас он оперся о

подоконник и смеялся, совершенно не заботясь о производимом впечатлении. Мне пришлось напомнить себе, что смешная история в присутствии короля ничего не меняла.

— Когда Редан был мальчиком, он стащил у меня перчатки и продал их своему брату за две сливы. Его отец привел обоих извиняться. Я тогда счел эту сделку довольно удачной.

— Для кого из братьев?

— Для Редана. Перчатки были ему велики, а сливы он съел сам.

Я улыбнулась, но тут же вспомнила, сколько лет прошло с той проделки. Редан давно вырос и, вероятно, сам уже воспитывал детей. Эдран оставался таким, каким запомнил его мальчишка, продавший перчатки за две сливы. В эту минуту бессмертие показалось мне страшнее, чем в подземной палате.

— Вы говорили сегодня о докладе дорожного ведомства, — напомнила я. — Вас действительно удивили показания Эммера?

— Меня удивило, что мне не сообщили о задержке. Я знаю, что мосты чинят медленнее, чем хотелось бы. Но по докладу деньги на два участка уже должны были поступить. Если это не так, хочу знать причину.

— Надеюсь, Эммер не лишится службы только за то, что в его бумагах обнаружатся неудобные сведения.

— Надеюсь, он сумеет объяснить, почему не сообщил мне о них прежде.

— Возможно, ваши чиновники боятся приносить вам дурные известия.

— Я не в силах запретить им бояться. Зато могу потребовать, чтобы они выполняли свои обязанности.

— Даже если виновником неприятностей окажетесь вы сами?

— Тогда им следует подготовить особенно убедительный доклад.

Я не была уверена, что он шутил. Мне хотелось спросить, сколько начальников за четыреста лет лишились службы за чересчур убедительные доклады. Вместо этого я сказала, что намерена продолжить изучение земельных пожалований.

— По окончании войны земли жаловали с сохранением прав местных жителей, — заметил Эдран.

— Вот эти права мне и предстоит отыскать.

Он хотел возразить, однако слуга сообщил, что его ожидают посланники северных областей. Эдран извинился и ушел. Я вскоре вернулась к себе. На платье разошлась одна из новых строчек. Пришлось зажечь лампу поярче и зашить ее.

Утром девятого дня речное управление сообщило, что Сильву Арн задержали работы на укреплениях. Из-за дождей ей требовалось дождаться сменщика. Я настояла, чтобы вызов ей вручили лично, и согласилась перенести ее выступление. Эммер подтвердил задержку средств на дороги; начальник не внес сведения в доклад. Мара тем временем нашла распоряжения о временном поселении людей на казенной земле: часть обещанных окончательных решений так и не приняли. Зато сами участки успели пожаловать.

В тот же день я присутствовала на совете. Дольше всего обсуждали горное селение, где обрушился мост. Эдран вспомнил старое соглашение с жителями; принесенная секретарем книга подтвердила, что крестьяне обязаны содержать только дорогу до реки. После короткого спора он разделил расходы на мост между казной и владельцами земель, получавшими выгоду от перевозок. Мне доводилось неделями разбирать дела, в которых он разобрался за полчаса.

Столичные набережные отложили до следующего заседания. В докладе перечислялись работы по укреплению основания дамб и замене защитных печатей. Возле одной строки стояла пометка о выполнении работ, возле другой — об ожидании средств. После показаний Эммера мне захотелось проверить эти отметки.

Тома Ренн прибыл на десятый день к вечеру. Посыльный застал плотника на постройке амбара. Прибывший привез объемистую холщовую сумку, которую не пожелал оставлять в караульном помещении. Я велела Холту проводить его ко мне.

Через несколько минут на пороге появился мужчина в грубой серой куртке. Его волосы были небрежно подстрижены, кожа на лице потемнела от многолетней работы под открытым небом. Он снял шапку и неловко огляделся, словно искал место, где можно оставить грязные сапоги.

— Проходите. Садитесь, господин Ренн.

— Можно просто Тома. Господ у нас хватает.

Он поставил сумку на пол и достал большой сверток. Бумаги в нем были самые разные: обрывки писем, небольшие листы из приходских книг, расписки, целые пачки страниц, исписанных разными руками. Тома положил сверху тонкую тетрадь, сшитую бечевкой.

— Мне сказали, вы спрашиваете о землях.

— И о погибших в долине. Учитель Берн рассказал, что вы собирали прошения переселенцев.

— Мы собирали. Не я один. У нас есть женщина, которая умеет писать лучше меня, она переписывала то, что люди приносили. А я ездил по поселкам, когда позволяла работа.

Он открыл тетрадь. На первом листе стояло название деревни возле верхнего шлюза, дальше шли имена. Против одних имелись даты рождения, против других — указания на родство или место прежнего проживания. Где сведений не хватало, составители оставляли свободное место. На полях встречались замечания: видела соседка, подтверждено сестрой, найти запись о крещении. Это не был официальный список погибших. Но составили его люди, которые знали друг друга и понимали, где следовало искать подтверждение.

— Мы пытались подать его в областную управу, — продолжал Тома. — Там велели исключить тех, у кого нет свидетельства о смерти. А свидетельства кто выдаст? Сходите в долину, поищите могилу моей жены.

Он сказал это без повышения голоса. Я перелистнула несколько страниц. Появились знакомые названия, потом Нижняя переправа. Под ней шли фамилии семьи мельника, вдовы столяра, двух братьев, которых я помнила по детству. Я увидела имя матери. Рядом с ним стоял отец, ниже — Орик. Напротив его имени кто-то оставил приписку: младший сын, видели у дома в день наводнения.

— Кто внес эту запись?

Тома наклонился над тетрадью.

— Надо посмотреть в другом списке. Запись со слов женщины, которая жила на соседней улице. Она уехала к дочери за реку. Я могу ее найти.

— Найдите, пожалуйста.

Он изучил меня внимательнее, потом прочитал имя матери еще раз.

— Так это ваши?

— Да.

Тома наконец сел. Пока он пил принесенную служанкой воду, мы молчали. Затем он спросил, действительно ли я могу решить, останется король в живых. Я ответила, что могу. Он кивнул и достал из сумки второй сверток.

— Тогда посмотрите, сколько здесь прошений. За первый год после воды — вот эта пачка. Потом стали отказывать чаще. Некоторые люди махнули рукой, перестали писать. Нам теперь говорят, что мы чужую землю занимаем, а мы ведь строились там по распоряжению управы. Я принес все, что уцелело. Если хотите забрать, напишите расписку. Люди мне это доверили.

Я составила опись полученных бумаг в двух экземплярах и назначила его выступление на следующий день. Тома не спешил уходить. Он осторожно закрыл тетрадь, провел ладонью по ее обложке и только потом передал мне.

— Там еще не все, — предупредил он. — Мы по низкой воде ходим в старые деревни. Увидишь, где стоял чей-нибудь дом, и вспомнишь, кто в нем жил. Вот так и дописываем. Вы не считайте, что это окончательное число.

Когда Холт увел его в комнаты для свидетелей, я достала официальный перечень потерь. Сопоставлять его с тетрадью Томы начала с самых маленьких деревень. В одном месте не совпадало всего несколько имен, в другом отсутствовала почти половина семей. По некоторым селениям официальный перечень не содержал ни одной записи, хотя в тетради им отводилось по нескольку страниц. Следовало проверить происхождение каждого свидетельства и разыскать людей, которые могли его подтвердить. На одну только эту работу хватило бы сорока дней.

Я придвинула лампу и снова открыла страницу с Нижней переправой. Семнадцать лет назад какая-то женщина увидела Орика возле нашего дома. Возможно, она знала, что он делал, во что был одет, куда собирался идти. Для государственного отчета он оставался одним из неучтенных жителей, а для меня эти ничтожные подробности теперь приобрели огромную ценность. Я еще раз записала просьбу разыскать свидетельницу, чтобы утром не забыть передать ее Томе.

За окном шел дождь. Я слышала, как по желобу бежала вода, и читала имена людей, о которых государство давно перестало спрашивать.

Глава 4. Долг перед мертвыми

Тома Ренн пришел на слушания в вычищенных до блеска сапогах. Вчера на них еще оставались следы глины. Видимо, человек решил, что от его внешнего вида зависит, поверят ли собравшиеся в зале тому, что он им расскажет. Пока писец устраивался за столом, Тома пытался расстегнуть тесный ворот рубашки. Наконец справился с пуговицей, заметил, что я за ним наблюдаю, и смущенно убрал руку.

Народу собралось больше, чем в предыдущие дни. У двери я узнала учителя Берна с двумя женщинами. В задних рядах сидели придворные. Канцлера среди них не было, зато его секретарь занял место, откуда хорошо просматривались и мой стол, и кресло государя.

Тома назвал родную деревню, рассказал, что до войны работал лодочником, а собственной мастерской обзавелся уже после переселения.

— Жену звали Лина. Сыну было четыре года. Я тогда рассчитывал успеть крышу перекрыть до зимы, чтобы в доме теплее стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.